

А. Н. ТОЛСТОЙ

Падший Ангел

Александр Блок

Его встречали повсюду
На улицах в сонные дни,
Он шел и нес свое чудо,
Спотыкаясь в морозной тени...

Один из моих друзей в письме ко мне в Париж, сказал, что в русской литературе Блок -- падший Ангел. Мне хотелось восстановить в памяти портрет поэта: действительно ли -- песня, которую он спел на земле, была песней падшего Ангела? Почему такой трагической правдой звучит это определение? И почему через него поэт становится близок, как собственное сердце?

Я увидел Блока в первый раз в 907 году. Он вошел в вестибюль театра Комиссаржевской, минуя очередь, взял в кассе билет и, подбоченясь, взглянул на зароптавшую очередь барышень и студентов. Его узнали. У него были зеленовато-серые, ясные глаза, вьющиеся волосы. Его голова напоминала античное изваяние. Он был очень красив, несколько надменен, холоден. Он носил тогда черный, застегнутый сюртук, черный галстук, черную шляпу. Это было время колдовства и тайны Снежной Маски.

Юноша Блок появился в кружках первых модернистов за несколько лет до революции 905 года. Новая русская поэзия, изошедшая от французских символистов, -- искала свои пути. Искали в русском стихе музыкальных очарований Верлена, мистической призрачности Метерлинка. Московские "Весы" подняли знамя символизма. Бальмонт, как весенняя речка, ломал застывший русский стих. Брюсов культивировал "Цветы Зла".

Другой лагерь -- литература толстых журналов, маститые беллетристы, восходящие звезды в сборниках "Знание", шумливые критики, -- были заняты наступающей революцией. Модернисты были у них в презрении: их считали: иные -- представителями общего дела, иные -- дурачками.

В это беспокойное время Блок принес с собою высокую любовь к Владимиру Соловьеву, к Фету и к Тютчеву. Казалось -- он был посвящен ими, чтобы указать ближайший путь русскому искусству, крутившемуся в водовороте исканий и революционного возбуждения.

К этому же времени относится событие в личной жизни Блока: встреча его с одной из тех удивительных русских девушек, мечтательных, нежных и чистых, влюбленность в которых создала вдохновенные страницы в русской литературе.

Пламенная душа Блока прикоснулась к ясной чистоте девичества. Были написаны стихи о Прекрасной Даме.

Книга эта не была ни понята, ни принята читателями, кроме избранного кружка. Стихи были слишком необычайны. Их форма была прозрачна, без твердых очертаний. Их ритм был взволнованный, нервный, неуловимо-улетающий. Их символы были слишком странны в те времена, когда казалось, что вот еще немного, -- грянет революция, будет немедленно и целиком осуществлена социалистическая программа и восторженный русский народ немедленно же и абсолютно станет счастлив.

В стихах о Прекрасной Даме говорилось о непонятной тревоге:

Я просыпался и всходил
К окну на темные ступени.
Морозный месяц серебрил